

МЕСТО И РОЛЬ РЕЛИГИОЗНОЙ КУЛЬТУРЫ В ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОМ УПРАВЛЕНИИ

Существование современного государственно-организованного общества немислимо в отрыве от механизмов публично-правового управления. Обеспечение правопорядка на международном, государственном и местном уровнях достигается за счет одновременной деятельности целой системы органов, включая и правоохранные. Вместе с тем, необходимая идеологическая составляющая правопорядка создается в результате формирования и сохранения должного уровня социальной (духовной) культуры, имманентным элементом которой является религиозная культура. А. А. Черноборов обоснованно указал, что религиозная проблематика может иметь множество аспектов (философский, культурологический, религиозно-догматический, моральный, лингвистический и т. д. [1, с. 172]), в связи с чем, при обращении к конструкту «религиозная культура», мы будем рассматривать преимущественно ее политическое содержание.

Статистические данные о количественном и качественном составе верующих в ту или иную религию людях существенно отличаются, но сходятся в одном принципиальном моменте – большая часть населения земного шара относят себя к данной социальной группе. Наиболее масштабное мировое социологическое исследование, нацеленное на установление наиболее (и наименее) религиозных стран мира, проведенное британским изданием «The Telegraph» в 2008, 2009 и 2015 годах показало, что наиболее религиозными регионами являются Африка, Ближний Восток, Юго-Восточная Азия и Латинская Америка. В отдельных странах, входящих в данные регионы процентное соотношение верующих к общей численности населения достигает 97–99 %. Несмотря на значительное число атеистов в Западной, Северной и Центральной Европе даже там общее число верующих редко опускается ниже 25–30 % от численности населения [2]. Согласно данному рейтингу в России 70 % населения относят себя к верующим.

По данным Отдела стратегических социальных и социально-политических исследований Института социально-политических исследований Российской академии наук в России, по состоянию на 2010 год 79 % соотечественников относили себя к православным, 4 % – к мусульманам, 9 % верили в «высшую силу» (вселенский разум и пр.), число атеистов же уменьшалось. При этом, в Бога верило лишь 2/3 православных россиян, а соблюдали посты и ходили в храмы 4 % [3]. В то же время, согласно данным американского исследовательского центра «Pew», в 2017 г. в России 71 % граждан исповедуют православие (в 1991 г. таких было 37 %) и в целом 75 % населения России верит в бога, насчитывается 10 % мусульман. Эксперты центра отметили, что основное число верующих в России и странах Восточной Европы непосредственно связывают свое мировоззрение с национальной идентичностью, причем в нашей стране к национальной идентичности привязывают православие даже мусульмане и атеисты [4]. Следовательно, несмотря на прогнозы об исчезновении в перспективе 40–50 лет основных религий, на сегодняшний день вера в Бога и сверхъестественные силы характерны для большинства жителей нашей планеты и оказывают свое непосредственное влияние на правотворческую, правоприменительную и правосистематизирующую деятельность, являются фундаментом для поддержания порядка в обществе. Своего рода индикатором обозначенной ситуации стало включение в Конституцию Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. статьи 67_1, в которой ч. 2 закрепила основы национальной идентичности в виде тысячелетней истории и памяти предков, передавших российскому народу идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства [5]. Конституционный Суд Российской Федерации в своем заключении разъяснил, что вера в Бога не означает отказа от светского характера России и от свободы совести, поскольку не сопряжено с конфессиональной принадлежностью и не объявляет отдельные религиозные убеждения обязательными, не ставит в неравное положение россиян, исходя из принадлежности к какой-либо вере. В документе отмечено, что данное положение лишь призывает учитывать в государственной политике исторически значимую, социально-культурную роль, которая религиозная составляющая сыграла в становлении и развитии государственности [6].

Религиозная культура, как уже было замечено, является частью социальной (духовной) культуры человечества и ее основное предназначение заключается в формировании религиозных ценностей и формулировании (на их основе) религиозных запросов людей к окружающему миру и степень/качество удовлетворения соответствующих запросов. Феномен религиозной культуры, как объективный результат влияния религии на культуру [7, с. 92, 95–96] имеет тесную связь с публично-правовым управлением, что обуславливается следующими обстоятельствами.

Во-первых, общность целей. Публично-правовое управление нацелено на учреждение в обществе фактического правопорядка, при котором субъекты права выстраивают свое поведение согласно действующим нормам права, исходя из собственных убеждений, развитого правосознания и правовой культуры. Религиозная культура, как форма общественного сознания, имеет своим объективным ориентиром построение гармонии (единства) в мыслях и поступках верующих людей, руководствующихся религиозными установлениями и стремящихся к достижению религиозного порядка. В принципиальной своей части положения правового порядка и религиозного порядка совпадают, встречаясь на общей площадке религиозной и правовой морали, требующей от людей вести себя так, чтобы не нарушать интересы других людей, учитывать потребности общества (не совершать преступлений, способствовать достижению справедливости, для государственных служащих – руководствоваться нормами профессиональной этики и многое другое).

Во-вторых, общность объектов. И публично-правовое управление и религиозная культура рассматривают в качестве своего основного объекта воздействия поведение людей и его психическую (психологическую) обусловленность, выраженную в целях, мотивах и эмоциях. Определенные отличия между подходами заключаются в том, что религиозная культура в большей степени апеллирует к внутреннему миру человека, а публично-правовое управление преимущественно ориентировано на внешние акты человеческой деятельности (поведение).

В-третьих, общность механизмов (средств и методов) воздействия. Публично-правовое управление и религиозная культура имеют свои нормативные основания (нормы права и нормы религии) и инстанции, призванные реализовывать соответствующие положения. В свою очередь, используемые в публично-правовом управлении методы (убеждения, принуждения, стимулирования, поощрения и др.) находят свое применение и в механизмах распространения религиозной культуры, где принудительный элемент также присутствует. К примеру, А. Г. Семашко выразил убеждение, что «существование системы церковного судопроизводства, исполняющего карательную функцию церковного права, представляется важным и необходимым для целей существования церковного права как отрасли» [8, с. 181].

Существуют и иные сходства между публично-правовым управлением (в генетической структуре которого «вшит» государство-центричный срез правовой культуры) и религиозной культурой, но приведенные выше свойства также являются весьма показательными.

Обращаясь вопросу о месте и роли религиозной культуры в публично-правовой культуре, мы отмечаем их функциональную близость, а в отдельных областях (правовое регулирование регистрации и деятельности религиозных объединений) констатируем их пересечение. Еще в 2004 г. В. Е. Чиркин в своем учебном пособии «Публичное управление» усмотрел связь между корпоративной религиозной властью и элементами публично-правового управления [9, с. 433–453], соответствующий материал перешел в последующее учебное пособие профессора «Основы публично-правового управления», изданное в 2016 г. [10]. Оценивая единство публично-правового управления в современной России, С. В. Стародубцев аргументировано заявляет, что государственно-властная деятельность не только опирается на факторы и доминанты социального развития, но и моделирует социальную реальность, происходящие в ней взаимодействия, связи и интересы. Управленческая деятельность в кибернетическом смысле воспринимается автором как умение находить компромиссы в противоборствующих публичных заказах с минимальными конфликтологическими последствиями [11, с. 92–93].

Сказанное означает, что публично-правовое управление строится на основе информации, поступающей из всех сфер жизни общества, и привлекает в свой инструментарий любые социальные институты, обладающие потенциалом влиять на общественное мнение. Так, В. А. Ячменев предложил рассматривать управление культурой как исполнительно-распорядительную деятельность компетентных органов в целях реализации политики государства [12, с. 124]. Упускать религиозные объединения, религию и основанную на ней культуру из внимания публичных органов было бы весьма недальновидным решением, вследствие чего практически в каждом государстве связь между субъектами светского и церковного управления никогда не прерывается. Обосновывая право государства предусматривать преграды для предоставления статуса религиозной организации автоматически, Конституционный Суд Российской Федерации отметил важность недопущения легализации сект, а также миссионерской деятельности с противоправными целями [13]. Размышляя над функциями религиозной культуры, У. К. Шихалеева усматривает в ней «мощное по воздействию манипулятивное содержание», которое использовалось властью в политических целях на различных исторических этапах развития общества [14, с. 239].

Таким образом, обобщив результаты наших размышлений, мы пришли к следующим выводам. Во-первых, религия и основанная на ней религиозная культура являются неотъемлемыми элементами общества и общественного сознания, влияющими на поведение людей по всему миру и предопределяющими содержание правовой деятельности. Во-вторых, религиозная культура имеет тесную связь с публично-правовым управлением, выраженную в общности целей, объектов и механизмов воздействия. В-третьих, религиозная культура находится в зоне повышенного внимания субъектов публично-правового управления и является одним из важнейших средств социальной инженерии.

Список использованных источников

- 1 Чернобров, А. А. Религиозная культура и религиозный дискурс / А. А. Чернобров // Сибирский педагогический журнал. – 2008. – № 1. – С. 172–181.
- 2 Mapped: The world's most (and least) religious countries [Electronic resource] // «The Telegraph». – Mode of access : <https://www.telegraph.co.uk/>. – Date of access : 02.10.2020.
- 3 Скрипунов, А. «Индекс веры»: сколько на самом деле в России православных [Электронный ресурс] / А. Скрипунов // Официальный сайт информационного агентства «РИА Новости». – Режим доступа: <https://ria.ru/>. – Дата доступа: 02.10.2020.
- 4 Religious Belief and National Belonging in Central and Eastern Europe [Electronic resource] // Official website of Pew Research Center. – Mode of access : <https://www.pewforum.org/>. – Date of access : 02.10.2020.
- 5 Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]: принята на всенародном референдуме 12 декабря 1993 г. (с изменениями на 14 марта 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа : <http://pravo.gov.ru/>. – Дата доступа : 01.10.2020.
- 6 О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации [Электронный ресурс]: Заключение Конституционного Суда Российской Федерации от 16.03.2020 № 1-3 // Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа : <http://pravo.gov.ru/>. – Дата доступа : 01.10.2020.
- 7 Матяш, Т. П. Религиозная культура: аргументы «за» и «против» / Т. П. Матяш // Философия права. – 2014. – № 1. – С. 92–96.
- 8 Семашко, А. Г. Современное состояние системы церковного судопроизводства в России / А. Г. Семашко // Международное и национальное правосудие: теория, история, практика: материалы Международной научно-практической конференции, 20 мая 2010 года / Под общ. ред. С. К. Дряхлова. – Санкт-Петербург : Издательский дом «Петрополис», 2010. – С. 177–181.
- 9 Чиркин, В. Е. Публичное управление : учебник / В. Е. Чиркин. – Москва : Юрист, 2004. – 475 с.
- 10 Чиркин, В. Е. Основы публично-правового управления : учебное пособие / В. Е. Чиркин. – Москва : Изд-во Московского психолого-социального университета ; Воронеж : МОДЭК, 2016. – 481 с.
- 11 Стародубцев, С. В. Единство публично-правового управления в современной России: формы и технологии обеспечения / С. В. Стародубцев // Юрист-Правовед. – 2009. – № 3. – С. 92–94.
- 12 Ячменев, В. А. Понятие «управление культурой»: проблемы и перспективы развития / В. А. Ячменев // Философия права. – 2007. – № 4. – С. 122–125.
- 13 По делу о проверке конституционности абзацев третьего и четвертого пункта 3 статьи 27 Федерального закона от 26 сентября 1997 года «О свободе совести и о религиозных объединениях» в связи с жалобами Религиозного общества Свидетелей Иеговы в городе Ярославле и религиозного объединения «Христианская церковь Прославления» [Электронный ресурс] : постановление Конституционного Суда РФ от 23 ноября 1999 г. № 16-П // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_25180/ – Дата доступа : 01.10.2020.
- 14 Шихалиева, У. К. Манипулятивная функция религиозной культуры / У. К. Шихалиева // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2011. – № 1. – С. 237–244.